

Д. В. ФИЛОСОФОВ

Дело Волошина

Свидетели защиты: П. Б. Струве¹ и А. А. Кондратьев².

Свидетели обвинения: И. А. Бунин и А. Н. Бенуа.

I

Недавно скончавшийся Максимилиан Волошин займет подобающее ему место в истории русской «предпотопной» поэзии.

Сколько страничек в этой истории займет Волошин — сейчас сказать трудно, ибо нет еще достаточной перспективы. Как все «отцы», Волошин находится в самом невыгодном положении. Писать о нем как о современнике, со всей субъективностью критика-современника, уже нельзя, ибо Волошин принадлежит прошлому, правда очень недавнему, но все-таки прошлому. Писать же о нем с исторической объективностью — тоже нельзя. Слишком он нам близок, даже нет еще «Полного собрания его сочинений».

Сейчас мы имеем лишь свидетельские показания о покойном поэте, точнее о его личности. Подлинная же, более или менее объективная оценка его творчества — является делом довольно далекого будущего. Тэн³, все-таки, был прав: творчество писателя надо связывать с его средой и эпохой, самого писателя связывать — с его расой.

А для этого нужна историческая перспектива.

II

Из свидетельских показаний о Волошине, появившихся до сих пор в печати, на мой взгляд представляют интерес четыре показания: Струве, Кондратьева, Бунина и Александра Бенуа. Первых двух (Струве и Кондратьева) надлежит считать свидетелями защиты, двух последних — (Бунина и Бенуа) — свидетелями обвинения.

Интересное показание А. А. Кондратьева было напечатано в «Молве» и читатели его знают.

Свою статью он кончает следующими словами:

«В его лице отошел в вечность один из видных поэтов парнасской школы начала XX-го века, мало сравнительно знакомый широкой публике, но заслуживающий значительно большей известности, чем давние любимцы толпы».

Перед нами некоторое аподиктическое утверждение, по существу интересное, но требующее доказательств.

«В противоположность увлекавшемуся дионисианством Вячеславу Иванову, — добавляет Кондратьев, — Волошин объявил себя поклонником Аполлона».

Кондратьев придерживается давней терминологии Ницше. Здесь есть отзвук одной из ранних книг Ницше «Происхождение трагедии из духа музыки». Мне лично кажется, что Вячеслав Иванов не был чистым дионисианцем. А Волошин не был чистым аполлонистом. Вячеслав Иванов брал начало Диониса, начало слепой стихийной «воли», начало хаоса, лишь как данное. По существу он был гностиком, мистическим реалистом, и все свое творчество посвятил преодолению хаоса, укрощению стихии в чистой форме представления, стремился к синтезу Диониса и Аполлона. Думается мне, что Волошин вышел из Вячеслава Иванова. Во всяком случае он многим ему обязан. Поскольку же он подвергся влиянию Блока, элемент Диониса в нем усилился. Вот Блок, так тот был верным поклонником стихии и хаоса, т. е. Диониса. И этот хаос сжег и испепелил его. Поскольку же Волошин сумел устоять, не растворился в последнем хаосе, он следовал методу Вячеслава Иванова, преодолевая Хаос Формой, и своеобразной историософией, которая у Блока отсутствовала совершенно.

Таким образом, утверждать, что Волошин был «парнасцем», т. е. поэтом чисто формальной школы, а не символистом, мне кажется рискованным. Думается мне, что именно к творческому методу Волошина подходят слова Гете: «все преходящее есть символ».

III

Всякий поэт, даже более значительный нежели Волошин, имеет непременно нечто от «эоловой арфы».

Отсюда так называемые «противоречия» выдающихся поэтов.

Как соединить «ты — царь, живи один...» с «О чем шумите вы, народные витии?..»⁴.

С этими, так называемыми, противоречиями особенно любят возиться люди трезвого рассудка, т. е. Милюковы⁵ всех времен и народов,

люди, которым чужда всякая магия, в том числе и магия слова, которым чуждо всякое ощущение окружающей нас Тайны, для которых все «ясно и понятно».

Поскольку был поэтом Волошин, были у него и противоречия. Одно из них — его мирное пребывание в стане большевиков. «Святая Русь»⁶, пользующаяся таким успехом среди молодой, девственной эмиграции, и тихое житие в Коктебеле под властью Сталина.

Мне кажется, что эту загадку мудро разрешил П. Б. Струве.

В своем свидетельском показании он в сущности не касается творчества Волошина. Он просто вспоминает о Максе, как о человеке, рассказывает любопытный эпизод о паспорте. Творческой личности Волошина он посвящает всего несколько строк, и то «попутно». Но как человек мудрый, а не только чуткий, он очень удачно определяет лицо Волошина, и притом простыми искренними словами.

«Несуразности во внешнем виде и личном поведении Волошина, — пишет П. Б. Струве, — соответствовал уклон, мне лично совершенно чуждый, но понятный, — и — в известных пределах — даже привлекательный: уклон анархический...».

П. Б. Струве умеет быть ядовитым. Он противник опасный. Но с каким удрым благожелательством, внутренним спокойствием и вместе с тем глубоким пониманием, определил он «противоречия» покойного поэта!

Струве типичный государственный. В государственности видит он спасительное начало Аполлона, ту форму, которая спасает человеческую личность от напора стихии, ту сознательную жертву, которую должна принести свободолюбивая личность, чтобы сохранить свое я, чтобы не погибнуть в потоке, труссе, огне коллективного зверства человеческой, только человеческой стихии. Поэтому столь чужд ему анархизм всех толков. В качестве мудреца он сознает, что анархизм, который восстает против всякого насилия, связывающего личность — ведет в конце концов к самому горшему насилию, к первичной биологии, к насилию термитов, к большевизму.

IV

Свидетелей обвинения выставила газета Милюкова: академика Бунина и академика Александра Бенуа. Один от Академии Наук по отделению Российской Словесности, другой — от Академии Художеств, по отделению живописи.

Бунин принялся за дело, как опытный прозектор.

В давние времена, в петербургской «Медико-хирургической Академии» славился хирург Венцеслав Грубер. Д-р Н. А. Белоголовый

рассказывал мне, что жена профессора Грубера, страшно волновалась, когда не доставало трупов, «Сегодня мой Венцель в духе, у него есть хороший труп!» с торжеством сообщала она Белоголовому, когда ее Венцель не оставался «без провизии».

И. А. Бунин любит вскрывать трупы. Делает он это с большим умением и спокойствием, но в противоположность Венцелю — совершенно бескорыстно. Венцель обогащал науку. Варнашка, из «Соборян» Лескова, возился с костями, чтобы доказать, что нет души. Бунин вскрывает трупы из любви к искусству, чтобы убедиться, что двенадцатиперстная кишка Толстого, была более или менее такая же, как у Акакия Акакиевича, а грудная клетка Волошина мало чем отличалась от грудной клетки хлестаковского Осипа. Занятие в сущности безобидное. Такое же безобидное, как игра Милюкова на скрипке. Беда лишь в том, что Бунин печатает протоколы произведенных им вскрытий — в газетах, воображая, что его приватные занятия имеют общественное значение. Но на читателя его прозекции производят тягостное впечатление. Читатель никак не может понять, почему нужно было писать шестьсот строк, чтобы доказать, что Волошин был как все, если не считать, что берцовая кость у него была «с вывертом»? На страницах же «Последних Новостей»⁷ такие протоколы приобретают очень неприятный привкус. Точно академик Бунин исполняет «социальный заказ» Милюкова, и старается доказать, что все люди, имеющие хоть какое-нибудь художественное дарование, по существу ничтожны, что называется «ни то, ни се». Страшно подумать, какой «протокол» напишет прозектор Бунин после кончины Милюкова, если последний, не дай Бог, скончается раньше нашего прозектора!

Справедливость, впрочем, требует признать, что рассказ Бунина, о его встречах с Волошиным в Одессе, не лишен интереса. Как известно, Бунин работал там в Осваге⁸.

V

Гораздо хуже обстоят дела с другим свидетелем обвинения, Александром Н. Бенуа. Здесь мы наталкиваемся на приемы, абсолютно недопустимые, особенно со стороны такого свидетеля, как Бенуа.

О творчестве Волошина Бенуа пишет всего несколько строк:

«Его стихи не внушали того к себе доверия, без которого не может быть подлинного восторга. Я не совсем верил ему, когда по выступлениям красивых и звучных слов он взбирался на самые вершины человеческой мысли. Но влекло его к этим восхождениям совершенно естественно и именно слова его влекли. Некоторую иронию я сохранил в отношении к нему навсегда, что ведь не возбраняется, при самой близкой и нежной дружбе...»

Прежде всего, эти строки донельзя глупы. Если «слова» (заметьте, это выражение подчеркнуто самим Александром Бенуа!) не имеют значения в поэзии, то в чем же она состоит? Может быть, полуграмотной исповеди какой-нибудь акушерки г. Бенуа поверит до конца, куда больше, нежели Волошину. Однако из этого следует, что акушерка «поэт».

Во-вторых, несмотря на всю свою знаменитость, академик Бенуа, что называется, не по чину берет. Неужели же достоинство поэта зависит от того, поверит ли ему «сам» Александр Бенуа или нет? Беда, если Бенуа не поверит Тютчеву или Бодлеру! Они перестанут существовать! Это напоминает Павла I-го, который уверял, что русский дворянин существует лишь когда он, Павел I-й, с ним разговаривает. Для сотрудника республиканско-демократических «Посл<едних> Нов<остей>» это «немножко слишком»!

В-третьих, и это самое главное, можно ли верить Александру Бенуа, когда он говорит о Волошине? Достоверны ли его свидетельские показания?

Как я уже говорил выше, одной из «проблем», связанных с именем Волошина, является его, относительно благополучное, пребывание у большевиков, при наличии ярко антибольшевистских настроений в его стихах.

Непримиримый враг большевиков, принимавший деятельное участие в белом движении, П. Б. Струве очень удачно ответил на этот тревожный вопрос, и не побоялся «признать» Волошина, «поверить» этому поэту с «анархическим уклоном».

Александр Бенуа поступает иначе. Благополучие Волошина он объясняет следующим образом:

«Волошин с удивительной простотой душевной, не то медузировал, не то забавлял кремлевских проконсулов, когда возымел наивную дерзость свои самые страшные стихи, полные обличений и трагических lamentаций, читать перед лицом советских идеологов и вершителей. И сошло это ему, вероятно, только потому, что и там его не пожелали принять всерьез...».

Под старость, я привык не удивляться. Тем не менее эти пакостные строки меня поразили.

VI

Для того, чтобы по достоинству оценить все благоухание этой орхидеи, выросшей в оранжереях Александра Бенуа, надо знать историю взаимоотношений с большевиками самого садовника, т. е. Александра Бенуа.

По его мнению, большевики оставили Волошина в покое, потому что считали его шутом гороховым.

«Трагические ламентации» Волошина не произвели впечатления на «кремлевских проконсулов», потому что «и там его не пожелали принять всерьез».

Это «и там» — звучит очень характерно, как некое перемигивание авгуров. Не только я, Александра Бенуа, не только мы, «Посл<едние> Новости», не принимали Волошина всерьез, но «и там» смеялись над его обличениями и трагическими ламентациями.

Для Александра Бенуа такое единомыслие с московскими проконсулами должно быть лестно. Потому что он всегда высоко ценил их прозорливость и относился к ним с большим уважением.

Если шута горохового Макса он всерьез никогда не принимал, то кремлевского проконсула Максима⁹ он расценивал очень высоко, не только как влиятельного вельможу, но и как мудрого идеолога.

Иначе он, весной 1917 года не изменил бы Милюкову, и не перекинулся бы на сторону Максима. Тогда меня это очень удивило, но вскоре я преклонился перед прозорливостью этого любителя орхидей! Каким он обладал нюхом, как своевременно выслужился перед большевиками! <...>

Если Горький, в качестве проконсула не поверил «трагическим ламентациям» Волошина, то позорные подлизывания Бенуа — с его стороны возражений не встретили. Не то он делал вид, что верит «обращению» и «покаянию» Александра Бенуа, не то и в самом деле поверил этому ловкачу. Как бы там ни было, Александр Бенуа очутился в классе привилегированных, успешно играл роль Полония при проконсуле Горьком, за что и получил всяческие подачки, и это в течение долгих лет, пока он наконец не добился заграничного паспорта. <...>

После этих кратких объяснений, читатель поймет, почему совершенно ненужный плевок на могилу Волошина, плевок, сделанный недавним камердинером Горького, должен вызвать чувство отвращения.

И кто тянул Александра Бенуа за язык? Уж лучше бы сидел да молчал, и о советских проконсулах не вспоминал. Неужели он не видит, насколько благороднее позиция «шута горохового» Волошина, который не скрывал своих мыслей перед проконсулами, по сравнению с поведением Бенуа, который в самые опасные для Милюкова дни, как «перелет» смутного времени перекинулся к Горькому, заслужил его доверие, а затем, как ни в чем не бывало, вернулся к апельсинам Милюкова!

Орхидея цветок очень причудливый. Из каких-то там орхидей добывают ваниль, а какой-то сорт орхидей воняет разлагающимся трупом.

VIII

О Волошине я никаких свидетельских показаний не давал, в оценку его творчества входить не буду.

В качестве «секретаря» я просто хотел «запротоколировать» характерный факт, как недавний камердинер Горького, вместе с недавним сотрудником (и не очень видным) «Освага» — сошлись в салоне Милюкова, чтобы общими усилиями высмеять только что скончавшегося поэта.

Один это сделал с холодным беспристрастием прозектора, другой с ерничеством циника.

Обоим свидетелям обвинения не пришло в голову, что преждевременная гибель безобидного поэта свидетельствует все о той же великой трагедии, которую переживает Россия.

<1932>

